

своих теперешних общих положений, вынуждено возвращаться к грекам»¹¹.

¹ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Дialeктическая логика: Основные принципы и проблемы.— М., 1979, с. 190.

² Бор Н. Атомная физика и человеческое познание.— М., 1961, с. 116.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 502.

⁴ Гегель. Сочинения.— М.— Л., 1932, т. 9, кн. 1, с. 165.

⁵ См.: Антология мировой философии в 4-х томах.— М., т. 1, с. 274.

⁶ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Дialeктическая логика, с. 48.

⁷ Берков В. Ф. Идеал непротиворечивости и проблемные ситуации в науке.— В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981, с. 394.

⁸ См.: Комарова В. Я. Становление философского материализма в Древней Греции (Логико-гносеологический аспект диалектики философского познания).— Л., 1975, с. 61.

⁹ См.: Рожанский И. Д. Античная наука.— М., 1980, с. 56.

¹⁰ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук.— М., 1974, т. 1, с. 219.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 369.

А. П. ВАРДОМАЦИИ

РОЛЬ МАКРОСРЕДЫ В МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Моральная регуляция осуществляется на макро-, микро- и личностном уровнях. Каждый из этих уровней, обеспечивая нормальную работу механизма моральной регуляции в целом, выполняет какие-то свои определенные функции. Рассмотрим роль макросреды в этом процессе. Под макросредой мы понимаем такие большие социальные группы, которые закономерно сложились в ходе исторического развития и длительное время занимают определенное устойчивое место в системе общественных отношений. Говорить о размерах большой группы весьма затруднительно, ясно лишь, что они не позволяют всем ее членам постоянно поддерживать непосредственный контакт между собой. Типичным примером макросоциальных групп являются социальные классы, а также группы, различающиеся по национальному, профессиональному и возрастному составу.

Выделенные В. И. Лениным признаки¹ социального класса выражают точку зрения таких наук, как исторический материализм и политэкономия, рассматривающих класс под социально-экономическим углом зрения. Этика же, исследующая мораль как надстроечное явление, нуждается в конкретизации этих признаков в соответствии со спецификой своего предмета. С этических позиций в больших социальных группах выделяют: «1) относительно одинаковые объективные социальные позиции и, следовательно, общие интересы; 2) относительно одинаковый диапазон социальных возможностей для морального выбора; 3) общая в структурно-типологическом плане устроенность морального сознания; 4) общая ценностная ориентация; 5) приблизительно одинаковые способы «манифестации» своей моральной позиции и регуляции поведения; 6) общность трафарета оценки»² и т. д.

Если в антагонистических формациях макросфера выступала по отношению к личности в виде соответствующего социального класса, то при социализме, когда отсутствуют неразрешимые классовые противоречия, она разрастается, отождествляясь с обществом в целом. Например, макросредой советского человека является новая историческая общность — советский народ.

Роль макросреды в общем процессе моральной регуляции состоит в том, что в ней реализуются креативная, аккумулирующая и транслирующая функции. Креативная функция есть способность макросреды созидать моральные императивы. Сущность марксистского объяснения этого процесса заключается в указании на социально-экономические факторы как на источники всякой нравственности. «...Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен»³. По этой причине каждый класс выдвигает свою моральную систему, являясь относительно самостоятельной нормоустанавливающей группой. В свою очередь, каждой общественно-экономической формации соответствует определенный тип нравственности: кровнородственная мораль

первобытнообщинного строя, грубая рабовладельческая зависимость, феодальный патернализм, «эквивалентность морального воздаяния» при капитализме, гармония личных и общественных интересов в коммунистической форме.

В то время, когда различные формы общественного сознания еще пребывали в синкретическом состоянии, представления о добре и зле тоже не имели специфически морального значения. Их смысл был гораздо более широким, являясь простым выражением представлений первобытного человека о хорошем и плохом началах в мире. Так, добро означало и физическую выносливость, и полезные предметы; четверка понятий «добро — красота — польза — истина» еще не расчленилась, сочетаясь в одном смысловом конгломерате. Первобытное сознание не было отягчено противоречиями между истиной и красотой, красотой и добром, добром и пользой и т. д.

Возникшая затем специфически моральная регуляция породила и соответствующую форму общественного сознания и соответствующий вид социальных норм. Эти нормы и представления появились в результате придания собственно морального статуса некоторым синкретичным общепониманием и социальным взглядам древних, возникшего морального видения мира. Представление о полярности бытия превращается в противоположность добра и зла. После того как произошла дифференциация общественного сознания, мораль продолжала ассимиляцию представлений теперь уже из других его форм. «Моральное сознание не просто создает свои категории, но вовлекает в свою орбиту понятия из других форм общественного сознания, переосмысляя их и придавая им собственную логику»⁴. Например, лозунг «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!», сформулированный Марксом и Энгельсом первоначально как политический лозунг рабочего класса, стал затем и нравственным принципом пролетарского интернационализма. Существует и обратная связь: моральные нормы становятся принадлежностью других форм общественного сознания. Таким образом, можно сказать, что между различными формами общественного сознания происходит взаимный нормообмен, причем чем «ближе» они находятся друг к другу, тем нормообмен активнее.

Возникшие тем или иным способом нравственные понятия претерпевают затем определенную эволюцию, которая заключается, в частности, в генерализации этих понятий — с одной, и дифференциации — с другой стороны. Известно, что честь — главный элемент структуры феодального морального сознания. Однако первоначальное значение слова в немецком языке гораздо уже — дар, приношение, служившее материальным выражением социального статуса индивида. Затем слово приобретает смысл «почести», «чествование». И лишь по мере развития феодальных отношений оно превращается в центральный принцип рыцарского морального кодекса. Наоборот, более общий нравственный императив в процессе существования обрывается частными положениями, дифференцируется. Если научная идея появляется в голове отдельного ученого, то творцом нравственно-нового выступает большая социальная группа, причем осуществляется это в рамках исторического времени, в большинстве случаев не сравнимого со временем жизни индивида. Удел отдельной, сколь угодно выдающейся личности — лишь вербализация и систематизация имеющейся или нарождающейся нравственной практики. Аккумулирующая функция макросреды, т. е. запись, накопление и хранение нравственной информации необходима, во-первых, из-за очевидной невозможности самостоятельной выработки каждым новым поколением всей совокупности моральных представлений, необходимых для нормального функционирования общества. Без аккумуляции отсутствовал бы нравственный прогресс. Во-вторых, социум должен обладать определенным набором ценностных ориентаций, который является необходимым сравнительным материалом для выработки личностью своего нравственного кредо. К примеру, принцип добросовестного отношения к труду в рамках социалистической морали реализуется под воздействием трех видов стимулов: сугубо творческого, морального (общественная необходимость данного вида деятельности) и материального.

На каждом новом этапе развития морали становящиеся нравственные представления существенно влияют на предшествующие, изменяя их статус и функционирование в культуре. Один и тот же нравственный императив звучит различно в разном культурном контексте. Буржуазный индивидуализм, несомненно отрицательная характеристика современного ка-

питализма, в эпоху своего зарождения выступал как катализатор личной активности, ломающей косную феодальную регламентацию деловой предприимчивости. Коммунистическая мораль вбирает в себя лучшие достижения предшествовавших этапов морального прогресса, которые теперь вплетаются в общую логику основного принципа — преданности делу коммунизма.

Хранящийся в антагонистических обществах запас моральных идей отнюдь не представляет собой единую конструкцию. Наоборот, он скорее напоминает своего рода «архитектурную эклектику». Применительно к капитализму Ф. Энгельс писал, что «каждый из трех классов современного общества: феодальная аристократия, буржуазия и пролетарит имеет свою особую мораль»⁵. Но даже внутри одной моральной системы противоречия — часто встречающееся явление. Особенно антиномичны нравственные догматы христианства, которые, объявляя человека изначально слабым, предъявляют к нему жесткие нравственные требования; декларируя предопределенный жизненный путь человека, считают его абсолютно свободным в поступках и ответственным за них и т. д.⁶ Социализм тоже пока не дает совершенно монолитной, распространяющейся на всех граждан нравственности. Все функционирующие на этом этапе коммунистической формации нормы морали можно подразделить на три группы: 1) нормы бесклассового коммунистического общества; 2) нормы социалистической нравственности; 3) нормы, заимствованные из старой морали эксплуататорского общества⁷.

Сумма имеющихся в обществе научных знаний представляет собой так называемую «картину мира», характеризующуюся непротиворечивостью составляющих ее элементов. Даже такие, на первый взгляд взаимоисключающие теории, как геометрия Эвклида и геометрии Лобачевского или Римана сочетаются между собой — эвклидова геометрия является предельным случаем геометрий неэвклидовых. Мораль более разнолика: оптимизм и пессимизм, культ наслаждения и суровый аскетизм, гедонизм и непреклонный ригоризм, приземленный прагматизм и романтические устремления соседствуют друг с другом в состоянии напряженного противостояния. Господствующая в обществе моральная система «затеняет», сковывает действенность других систем, однако они не исчезают полностью, служа порой теоретическим аргументом ее противникам. Если модель геоцентрической Вселенной выглядит в наше время явным анахронизмом, интересным лишь историкам науки, то, например, накопительство, это наследие капиталистического прошлого, ныне проблема отнюдь не абстрактно-теоретическая. Наука сравнительно быстро очищается от ложных гипотез и концепций, в морали — однажды выплеснувшаяся на поверхность грязная пена антигуманных теорий еще долго мутит поток нравственного прогресса.

Для обеспечения реального функционирования выработанных и хранящихся в макросреде моральных императивов их необходимо передать в микросреду и, далее, на уровень личности. В этом заключается транслирующая функция макросреды. Исторически первым способом трансляции нравственной информации являлись инициации — система обычаев родового общества для перевода юношей и девушек в возрастной разряд мужчин и женщин. Подготовительный этап инициации — непосредственно вплетенные в практику совместные действия молодежи и взрослых по овладению трудовыми, охотничьими и другими навыками с одновременным усвоением моральных представлений о взаимовыручке, половых возрастных различиях, правилах справедливого дележа добычи и т. д.

Современные общества располагают мощным инструментом реализации транслирующей функции — средствами массовой информации (СМИ). С их появлением резко возросла трансляционная способность социума, пространственно отдаленные события входят в личностный опыт. Мораль как специфическая форма общественного сознания, которая проникает во все другие формы, не транслируется по какому-либо одному каналу, т. е. поступает не только «упакованной» в специальные рубрики, передачи, программы, она рассеяна практически по всему полю СМИ.

Другой специфической характеристикой нравственной информации является то, что ее глубокое усвоение не есть чисто духовный акт. Указанные два способа ее передачи — современные массовые коммуникации и древние инициации, — находясь на отдаленных полюсах исторического развития человечества, логически дополняют друг друга. Если первый

(СМИ) выражает чисто коммуникативный, пассивно-информационный аспект процесса трансляции (сократовское тождество «добро = знание добра»), то второй (инициации) — аспект практически-активный.

Все социально-значимые инновации, появляющиеся в обществе, могут передвигаться по информационным каналам в направлениях: восходящем (личность — микросреда — социум) и нисходящем (обратное движение). Сравнивая по признаку направления движения интеллектуальную (научную) и моральную инновации, можно заметить, что чаще всего их прохождение по указанной цепочке имеет противоположный вектор. В первом случае мы имеем путь: от творца (научное открытие, изобретение) — к микрогруппе (проверка узким кругом коллег-специалистов) — повсеместное внедрение. В сфере морали новый императив появляется одновременно во многих точках социального пространства и, утверждаясь, затем уже опускается до каждой отдельной личности.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

² Титаренко И. И. Структуры нравственного сознания. — М., 1974, с. 232—233.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.

⁴ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. — М., 1977, с. 48.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.

⁶ См.: Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — М., 1978, с. 32.

⁷ См.: Социалистическая культура и личность: Сборник обзоров. — М., 1980, с. 184.

И. М. МОРОЗОВ

ПУТИ И СРЕДСТВА АКТИВИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ НА СЕМИНАРСКОМ ЗАНЯТИИ

Семинарские занятия включают в себя два этапа: подготовку и проведение. Подготовка к семинарам, как одному из видов вузовской учебной деятельности, начинается задолго до их проведения. Этот вид деятельности преподавателя включает в себя, по крайней мере, два момента: анализ итогов семинарских занятий, проведенных в предыдущих семестрах, и предварительное знакомство с группами, в которых предстоит вести семинары.

Анализ итогов семинарских занятий означает прежде всего изучение результатов последней экзаменационной сессии, их сравнение с результатами предыдущих сессий. Действенность такого анализа в значительной мере зависит от уровня контакта между лектором и руководителем семинаров. Подводя итоги сессии, лектор и руководитель семинаров обсуждают выявившиеся на экзаменах пробелы в знаниях студентов, намечают конкретные пути их устранения, критически оценивают формы и методы, приемы и средства, использовавшиеся на семинарах, знакомят друг друга с новой литературой, методическими и техническими новинками по проведению семинаров. Согласованные действия лектора и руководителя семинаров в учебном процессе способствуют росту активности студентов. Практика показывает, что активность студентов значительно повышается, если руководитель семинаров и лектор — одно и то же лицо.

Предварительному знакомству способствуют беседы с кураторами групп, членами факультетских учебно-методических комиссий, преподавателями общественных дисциплин, работавших или работающих в интересующих руководителя семинаров группах. В процессе таких бесед следует попытаться выяснить уровень общего развития студентов, мотивацию их учебы, сложившиеся в группах традиции и обычаи, характер внутригрупповых связей, получить представление об официальных и неофициальных лидерах групп.

Однако никакое заочное знакомство не может заменить непосредственного, личного контакта преподавателя и группы. И в этом плане чрезвычайно важной является первая встреча преподавателя с группой. На этой встрече преподаватель дает методические советы и установки по изучению предмета, в частности, рассказывает студентам о месте и роли семинарских занятий в учебном процессе; о видах семинаров, об особенностях работы над предметом, о методике конспектирования первоисточников; о требованиях, предъявляемых к студентам на семинаре: о принципах оценки студенческого труда в процессе занятий; раскрывает содержание понятий «доклад», «исходное выступление», «реферативный доклад»,